

В серии «Другие Миры»

вышли книги:

Ника Ветрова

Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец

Вероника Мелан

Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда

Ирина Котова

Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова

Академия Зла.
Испытание ведьмой
Академия Зла.
Быть ведьмой

Нина Бархат,

Марина Багирова
Присвоенная

Жанна Лебедева

Сиреневый черный.
Гнев единого

Лесса Каури

Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов

Таис Сотер

Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова

Своенравный подарок
Бездушная

Дарья Кузнецова

Модус вивенди

Ольга Романовская

Песочные часы

Юлия Григорьева

Погоня за сказкой

Ирина Зволинская

Охота на дракона

Алина Полянская

Магистерия

Анна Невер

Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные

Екатерина Богданова

Академия времени

Марина Александрова

Соль.
Судьба первородной

Марина Суржевская

Ветер Севера. Риверстейн

Ольга Миклашевская

Это все магия!

Алина Лис

Маг и его кошка

Лариса Петровичева

Лига дождя

Анна Невер

Обжигающий след
Потерянные

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н40

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Натальи Вольной

Невер, Анна.

Н40 Обжигающий след. Потерянные : [роман] /
Анна Невер. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 512 с. — (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-105936-1

Быть рядом с любимым, но не иметь возможности коснуться.
Смотреть, но не в силах сказать ни слова. Что это, как не насмеш-
ка злой судьбы?..

Тиса и Демьян — потерянные. Для мира, для судьбы, и друг
для друга. И пока они пытаются найти дорогу к самим себе, некто
таинственный собирается отнять у них будущее, призвав в под-
могу безглазую свору невиданных существ.

ISBN 978-5-17-105936-1

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Невер, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2018

Часть первая. Потерянные

ПРОЛОГ

*Ноябрь, 9023 г. от сотворения Хорна.
Белодраконье плато*

Новые шкафы для картотеки предсказаний устанавливали не менее двух дюжин рослых курсантов и пятеро работников отдела. И все равно не могли справиться без нее.

Начальница отдела предсказаний профессор Евдокия Леонтьевна Плетняк скептически надзирала за ходом работ. Для столь загадочной высокой должности она выглядела вполне заурядно — невысокого роста худенькая женщина в шляпке-блине, которой она прикрывала редкие цвета графита волосы. Кроме радужных очков на остром лице отсутствовали какие-либо признаки принадлежности к необычной профессии — ни тебе когтей, как у дракона, ни загробного голоса, ни фиолетовых волос с начесом до потолка. Обычное лицо, ну разве что тик выщипанной брови — так это у всех преподавателей бывает. В общем, никакой пищи для фантазии любопытных новичков-курсантов. И эта старушка предсказывает будущее?

— Двигайте дальше, молодые люди, куда вы его поставили? Обивку стены оцарапали! Одни убытки от вас! И как я должна подходить к ящикам, спрашивается? Я не дракон, летать не умею, — Евдокия Леонтьевна, словно маленький комар, зудела на ухо богатырям,двигающим мебельные горы.

— Так вы же все равно их взей открывать будете, — буркнул какой-то храбрец.

— И что теперь? Я должна терпеть неудобство у себя в отделе?

— А нельзя было с помощью взй расставить шкафы?

— Знаете, молодые люди, какой мощи должен быть наклад, чтобы поднять эту мебель? — возмущенно прозудела Евдокия. — Вы хотите, чтобы у меня здесь все свитки засветились? Все, хватит балаболить. Двигаем куда сказала, — хриплым голосом прикрикнула профессор. — Этак я с вами до вечера проканителюсь.

Молодые люди завозились энергичней.

— Не одаришь — не пошевелятся, — проворчала вэйна себе под нос. — Сил уж нет объяснять.

Очередной курсант из новоприбывших сунулся в смежную комнату и оказался сметенным волной пророческих свитков. Маленькая профессор подняла любопытного за ухо и отвела к не-возделанному полю, то бишь к очередному кряжистому дубовому монстру. Одним взмахом малахитового жезла сдула свитки обратно и запечатала дверь.

Работа двинулась в гору. Как только последний шкаф был установлен на положенное место, Евдокия не выдержала и выдворила всех из отдела, даже своих подчиненных, поддав им ветра в спины. Наслаждаясь свободой, старушка махнула рукой на беспорядок и завалилась с книгой на излюбленный топчан. Его она точно не поменяет ни на какой другой.

— Совсем измотали. Столько возни в простейшем деле!

Только женщина увлеклась пятым томом «Хроник царских переворотов», как ее снова побеспокоили. На этот раз — ее бывший ученик, которого она не видела уже лет пять, еще с той странной истории с исчезновением императорского племянника.

Вэйн коротко поклонился. Длинная пола черного сюртука не полностью скрывала ореховый скип, перехваченный кольцами из бивня рогоноса. В правой руке колдун держал тонкую васильковую ленту с серебристой каймой.

— А-а, главвэй спецстражи, редкая птица, — усмехнулась старушка, жестом приглашая гостя войти. — Как обычно, сюрпризом, Дёма. Надеюсь, хоть сейчас заглянул к Плетняк не по неотложному делу, а по доброй памяти? Кофейку шуйского испить, поговорить по душам. Хотя, — колючий взгляд из-за радужных очков ощущал лицо вошедшего, — размечталась, старая.

Вэйн оглядел беспорядок в отделе.

— Сдается мне, я не вовремя, Евдокия Леонтьевна?

— Ерунда, — фыркнула профессор.

— Мебель обновили? — из уважения поинтересовался бывший ученик.

— Да, есть немного. — Она задержала взгляд на собеседнике. — Но, думаю, ты не о моих новых шкафчиках поговорить пришел, хотя жаль. Три года ждала, пока Первый вэйноцех заказ выполнит. Ты бы оценил. Наклад тончайший на самопоиск и сортировку. Чудо просто... Ладно уж, пошли в круглую. От тебя веет тревогой так, что меня скоро зазнобит.

Они шли сумрачными закоулками отдела, заставленными всякой «околонаучной» утварью: книгами, стеклянными кубами на подставках, штангами с маятниками. Старушка семенила впереди. Темнота не мешала оной ориентироваться. Следом за женщиной сдерживал ширину своего шага вэйн. Лишь раз в одном из пролетов мелькнуло окно с видом заснеженных горных вершин и парящей над ними парой драконов.

Комната, в которую они попали, отличалась белым цветом стен и не имела углов, словно гигантский сотворенский шар. По кругу

помещения стояли в ряд одинаковые кресла с обивкой в серую полосу.

— Давай именную: кого ты на сей раз отлавливаешь или прячешь? — старушка уселась в мягкое кресло, привычным движением протянула руку собеседнику.

— Я не за веером событий пришел, — произнес гость, присаживаясь напротив. — Мне нужен совет.

Профессор удивленно вздернула брови и откинулась на спинку кресла.

— Любопытно.

— Мне важно ваше мнение, Евдокия Леонтьевна. Не буду тянуть и спрошу прямо. Я знаю, что ваш второй дар — убеждение, как у меня. Но вы его используете рационально в пользу пророческого. Скажите, возможно ли повлиять на кого-то, не чувствуя того? Притом пару раз я намеренно хотел привести этого человека к подчинению, но у меня не получилось.

— Это девушка, так? Светло-карие глаза. Улыбка добрая, — считала поток взвизгов прорицательница, глядя на ленту в руках собеседника. — Это из-за нее тебя снедает тревога. Нельзя так себя винить, Демьян. Ты не виноват.

Колдун сжал тонкие губы.

— Нет. Я все испортил. Все могло быть иначе. Теперь она считает, что я использовал приворотный.

— Эх, молодость, — с улыбкой вздохнула прорицательница.

— Так, по-вашему, это возможно? — Гость замер в ожидании.

— Чаще всего — нет. В твоем случае — тем более. Твоей силы воли на пятерых хватит.

— Но есть и другие случаи?

— Исключения. Они всегда бывают. Ты разве не помнишь древнюю летопись о Ярофее Необоримом? — Евдокия посмотрела на взрослого мужчину напротив, словно снова видела в нем ученика. — Там описана грустная история. Юную княгиню Аврору выдали за Ярофея по расчету. Зная, что за использование дара убеждения на светлом князе ей грозит усекновение головы, она наложила на свой дар строжайший запрет. Но стоило ей влюбиться в собственного мужа, как вдруг на нем был замечен приворотный наклад. Хотя все ученые вэйны признали, что дар просачивался сквозь гашение из-за ее сильных чувств к князю, она все же была обезглавлена за приворот. Даже Ярофей ничем не мог помочь бедняжке. В то время только слепое исполнение законов, как бы жестоки они ни были, удерживало государство от второй волны Дикой смуты. Вот тебе и ответ. Но это, как я говорила, исключение из правила. И не самый подходящий пример.

— Значит... — Мужчина с досадой коснулся кулаком лба.

— В порыве чувств некоторые могут не заметить собственного влияния, — подвела итог профессор. — Но утверждаю, вряд ли ты способен не заметить утечку. Девчонка влюбленная — может быть, но не опервэйн спецстражи.

— Но как теперь проверить? Я не могу потерять ее.

— Время, Демьян, — хозяйка кабинета снова пристально взглянула на ленту через радужные стекла очков. — Девушка с характером. Если поспешишь, навсегда потеряешь. Она будет считать, что ты продолжаешь влиять на нее даром, и разорвет последнюю связывающую вас нить.

Евдокия на короткое время задумалась, прежде чем продолжить. Случай был интересный, приходилось полагаться на интуицию, но еще более странным было наблюдать произошедшие в давнем знакомом перемены. Демьян Невзоров — бывший лучший выпускник потока, ныне главвэй ССВ, всегда бесстрашный и расчетливый в достижении цели. Она думала, что ничто не способно поколебать эту «скалу». Ошибалась. Удивительно. Она и не подозревала, что в нем может проснуться настолько глубокое чувство.

— Сейчас тебе лучше всего подождать. Иногда, чтобы выиграть бой, надо отступить. Не мне тебе объяснять, — улыбнулась Евдокия. — Вижу единственный выход. Предоставь девушке свободу. Дай ей самой осознать, любит или нет. До весны она определится с выбором и вернется к тебе, Дёма.

— А если нет? — В серых глазах проявилась глухая тоска.

— Хочешь увидеть веер событий?

— Нет! Не желаю знать свое будущее, — покачал головой колдун. — Иначе не буду верить в то, что его можно изменить. До весны, — задумчиво добавил он. — Слишком долгий срок.

— Придется набраться терпения, друг мой, — развела ладони Евдокия Леонтьевна, — тебе его не занимать, насколько я тебя знаю.

— Только когда дело не касается этой женщины, — прошептал Демьян.

Гость покинул отдел прорицательства, а профессор еще долго не могла вернуться к чтению пятого тома полюбившейся книги.

— Жаль, если эта девчонка все испортит, — ворчала она, не сводя глаз с новых шкафов. — Такая рана на сердце может и не зарубцеваться.

ГЛАВА 1. Дом Отрубиных

*Ноябрь, 9023 г. от сотворения Хорна.
Орская губерния, г. Оранск*

Почтовая карета, растопырив колеса от тяжести поклажи, свернула на Бережковую улицу. Особняки здесь отличались благородной статью, высотой до трех этажей, искусной резбой оконных наличников и росписью парадных дверей. Фасады смотрели не абы на что, а на речной канал, разделяющий ули-

цу вдоль на две части. В просвете каменных балясин темные воды Патвы двигались с обманчиво ленивым течением, увлекая с собой следы поздней осени — сопревшие бурые листья кленов и кустарников барбариса в тонюсенькой ледяной корочке первых заморозков.

На этой улице возле одного из особняков и остановилась карета, чтобы расстаться с очередным пассажиром. На сей раз девушкой. Под холодным морозящим дождем она приняла у ямщика саквояж и неповоротливую клетку с голубями. Почтовая повозка покатила дальше, а приезжая с минуту оглядывала трехэтажный особняк с мезонином, перед которым оказалась. Широкий фасад в тридцать окон украшали два ряда изразцов. Деревянный резной подзор окаймлял свес кровли. Крыльцо основывали не две, как в доме уважского градоначальника, а четыре колонны — каменные, не деревянные. Они же держали на себе широкий балкон, густо оплетенный диким виноградом. Вероятно, летом, когда зелень покрывала голую лозу, хозяева радовались возможности посидеть в ее тени на свежем воздухе и насладиться видом канала — удивительной реки в каменном футляре.

Тиса какое-то время медлила. Затем, изгнав с лица растерянность, решительно направилась к кованым воротам, которые оказались не заперты, просто прикрыты. Пройдя по мощеной дорожке мимо палисада, поднялась по парадной лестнице. На звук колокольчика поразительно быстро распахнулась дверь. На пороге возник немолодой, но еще довольно бодрый привратник в оранжевой livрее без одной пуговицы на выпяченной груди. Он окинул Тису оценивающим взглядом, заглянул за спину девушки, обозрел пустую дорожку к дому, поджал губу — и все в пару секунд. Потом, вытянув руки по лампасам, коротко поклонился, блеснув лысой макушкой.

— Чем могу быть полезен, сударыня?

— Добрый день. Простите, — Тиса улыбнулась как можно приветливей, — могу я видеть Марию Станиславовну Отрубину?

— Осмелюсь спросить: по какому вопросу?

Девушка составила у ног клетку, вынула из кармана пальто бумагу.

— У меня письмо от ее двоюродного брата Нестора Христофоровича Обло, из Ижской губернии. Но мне надо передать его лично.

— Ижской? — удивился привратник, на миг растеряв официальные пафосные нотки. Он обернулся и позвал: — Эй, Прошка, возьми у барышни ношу. Сюда пожалуйста, сударыня. Прошу обождать, о вас доложут-с.

Вслед за рослым пареньком-служкой Тиса ступила в сумрачную, богато обставленную парадную, где перед трюмо с огромным круглым зеркалом сняла перчатки и шляпку. Откуда-то вынырнула девушка с двумя тощими косицами за плечами. Она окинула гостью любопытным острым взглядом, шмыгнула курносым носом и забрала у пришедшей пальто.

— Гришка, кто там? Посыльный?! — По лестнице с изящными бронзовыми перилами, ведущей на второй этаж, торопливо спустился пожилой мужчина в тяжелом длиннополом халате с собольей оторочкой по вороту. — Давай его сюда!

— Лев Леонидыч, прошу простить, но это не посыльный. Это гостя из Ижской губернии! — отчеканил привратник, вновь выправив осанку. — У нее письмо от вашего шурина к ее милости.

Мужчина остановился и нахмурился, слепо щуря глаза на стоящую в сумраке парадной девушку. Тиса торопливо произнесла приветствие по всем правилам этикета, склонила голову.

— Уф... — запнулся хозяин дома. — Добро пожаловать, барышня. Жена будет весьма рада, — выдавил он из себя подходящую случаю фразу. Совершив сей великий подвиг радушия, Отрубин тут же забыл о визитерше. — Гришка, если появится посыльный из «торжка», пусть живо поднимается ко мне в кабинет. Понял? — хозяин развернулся и бодро зашаркал парчовыми тапочками — теперь уже вверх по лестнице.

— Как не понять, ваше благородие? Сразу же отправлю к вам-с. Не извольте сомневаться. — Слуга поклонился уже опустевшей лестнице.

Спустя пять минут ожидания в парадной Тису пригласили в малую гостиную.

Входя вслед за Афоньей в комнату, девушка подумала, что уменьшительный эпитет совершенно не подходит этим хоромам. Малая гостиная Отрубиных оказалась в три раза больше ее домашней в Увее. Стены обиты голубой тканью с нежным цветочным узором. Оконные шторы окон подпоясаны шнурами с тяжелыми кистями. На стенах — пейзажи в золоченых широких оправах. На полосатом диванчике с фигурными деревянными подлокотниками полулежала в рюшах пеньюара Марья Станиславовна — обладательница пышной, словно раздувшееся на опаре тесто, фигуры и белой, точно мука, кожи. Лицо ее дышало умиротворением. Компанию Отрубиной составляли две тетушки в одинаковых накрахмаленных голубых чепцах. Они были похожи друг на друга как родные сестры — сутулые, с вытянутыми постными лицами. Обе близоруко щурились — одна на спицы с вязанием в руках, вторая на страницы раскрытого томика стихов.

— Когда звезда во тьме засветит, — услышала Тиса заунывный невыразительный голос чтицы, — приди ко мне, моя любовь, чтоб мог лобзать я твои плечи, чтоб стан твой гибкий видеть вновь...

Создавалось впечатление, что горемыка-любовник из последних сил молил деву о свидании. В довершение еще и простыл, так как четверостишие завершилось сотрясающим гостиную чихом.

Появление девушки лишь самую малость оживило женское общество. Отрубина подмяла подушку локтем и оглядела вошедшую без особого интереса, помаргивая, будто спросонья. А компаньонки оторвали носы от вязания и книги.

Тиса коротко представилась женщинам и протянула письмо хозяйке. Марья Станиславовна донельзя медлительным движением белых пальчиков, усеянных перстнями, надорвала бумагу, вынула письмо из конверта. Чтение короткой записки заняло целых пять минут. Компаньонки в ожидании вытянули шеи, словно две подслеповатые гусыни.

— Ах, Нестор, — наконец протянула Отрубина, откладывая листок. — Право слово, я едва помню своего двоюродного брата. Мы были сущими детьми, когда виделись в последний раз. Такой милый мальчик, он не расставался с сачком все лето, ловил всяких букашек, сажал их в баночки. Жаль, отбился от семьи, выбрав себе это жуткое занятие и странное место для проживания, уж простите за прямоту, милая.

— Что за занятие, матушка? — любопытствовали «голубые чепцы».

— Чин судейства в пограничном поселении.

«Ох-ох», — закачали головами компаньонки, но как-то вяло.

Тиса представила Нестора Обло с сачком, гоняющимся за бабочками, и усмехнулась по себя. Да, теперь он не букашек сажает в баночки.

— Но я его понимаю. Наши увлечения — наши крылья, — протянула хозяйка гнусавым голосом, — в полете обретаем счастья миг! Это из пьесы «Орив». Неужели не слышали о подобной? О Единый, о чем это я? Конечно, бедняжка никогда не была в театре.

«Ох-ох», — «голубые чепцы» снова пришли в движение.

— Но в вашем городе есть хотя бы клуб, дорогуша?

— Нет, ваша милость.

— Как печально. — К непробиваемому умиротворению в лице матроны все же добавилась толика жалости.

— Прискорбно, — эхом вторили Отрубиной компаньонки.

Тиса до сих пор и не подозревала, что, оказывается, так жестоко была обделена. Но решила не рассуждать на эту тему, а дожидаться решения хозяйки по поводу просьбы в письме. Но, по-видимому, Марья Станиславовна Отрубина не торопилась в этой жизни ни в одном деле.

— Вы играете на музыкальном инструменте? Или поете? — продолжала она пытаться гостью.

Тисе пришлось признаться, что эти таланты обошли ее стороной. Наверняка такие ее ответы приведут к тому, что все же придется искать съемное жилье, как и предполагала изначально. Возможно, к лучшему. Все же такой пышный дом вызывал у нее стесненность.

— Уж лучше вашей Лизоньки никто не поет, матушка, — подала голос одна из компаньенок. — Ее голосу позавидовал бы и соловей.

— Моя дочь и в самом деле великолепно музицирует, но, к сожалению, редко когда пребывает в подходящем настрое, — благо-

душно произнесла Отрубина. — Очень жаль, что вы не музицируете. Тогда, быть может, м-м... вы почитайте мне сонет. А то Есения уже устала.

Смирясь с чудачеством хозяйки, девушка присела на край кресла и приняла из рук «чепца» томик стихов.

— Отсюда. — Женщина пальцем показала нужную строфу.

— Твой дивный лик в вуали ночи я не устану созерцать, и твои губы, носик, очи, и твою грудь, и твою стать...

Тиса читала и не могла отвязаться от мысли, что поэт явно стремился разобрать свою избранницу на мельчайшие части, а затем каждой отдельно написать по оде.

Отрубина откинулась в подушки и закрыла глаза.

— Она читает лучше, чем ты, Есения.

Компаньонка обиженно чихнула.

— Фоня, отведи гостью к Рине, передай ей, что я велю выделить комнату. И пусть затопит баню, — обратилась хозяйка к служанке, что ожидала распоряжений у двери гостиной.

— Я бы не хотела стеснять, — призналась Тиса.

— И не стесните, — зевнула в кулачок Отрубина, — если будете вести себя тихо и лишний раз не станете попадаться на глаза его милости. Лев Леонидыч — очень занятой человек. Очень. Последний месяц он даже ни разу не был в театре.

Компаньонки округлили глаза. Неслыханная самоотверженность главы дома вселяла в них благоговейный страх.

— Ступайте, милочка. Думаю, вам не терпится передохнуть с дороги, — закончила благодетельница. Тема успела ее утомить.

Тиса искренне поблагодарила. Приятно, что она избежала досадных расспросов о своей жизни и о том, что за дела привели ее в этот город. В глазах тетюшек читалось любопытство, однако саму Отрубину не интересовала эта сторона жизни нежданной гостьи: хозяйке дома был просто скучен любой разговор, не касающийся литературы, музыки или иных искусств.

Выйти из гостиной так просто не удалось. Сначала из коридора послышался детский визг и топоток, и через миг в комнату юркнула взъерошенная палевая кошка и нырнула ужом под хозяйский диван. «Голубые чепцы» испуганно охнули. Следом за домашним питомцем вбежал ребенок лет трех, оглядев с хулиганским видом гостиную, бросился к дивану. С ходу плюхнулся на живот и пополз под материнский свисающий с дивана подол. Застав на месте пятнистую беглянку, малыш пронзительно завизжал от радости.

— Санюшенька, не кричи, заюшка. — Отрубина свесила руку, желая коснуться белокурых кудряшек, но малыш увернулся из-под руки матери, настырно пытаясь выудить кошку из-под дивана.

В дверях гостиной появилась запыхавшаяся старушка в переднике. Косынка съехала с ее макушки, седые волосы были всклокочены.

— Ох, Марь Stanisлавна, стара я уж для салок-то. Не поспеваю. Лизочек тихоней росла, а этот кубарь, да и только. Ни

чуточки не усидит на месте! — Нянька проковыляла к малышу, держась за поясицу. — Саняша, иди ко мне, голубчик. Матушка отдыхает.

— Пойдите в сад, Дося, — предложила Отрубина. — Санюше полезен свежий воздух.

— Как полезен, ох как полезен! — оживились компаньонки. Похоже, они знали, что значит Санюша в гостинной. Тиса улыбнулась одним уголком губ.

На миг всех оглушил победный клич мальчишки, которому удалось-таки ухватить кошку за хвост. Без боязни оказаться оцарапанным, малыш вытащил животное и с радостью притянул к себе. Кошка упиралась всеми четырьмя лапами ему в живот, но это не спасло ее от жарких дружеских объятий.

— Котя! — умиленно выдохнул мальчишка. Затем снова взвизгнул — «котя» не оценила безмерной любви к собственной персоне и предприняла отчаянный рывок к побегу. Тщетно.

— Сыночек, у матушки виски уж гудят, — Марья Станиславовна положила ладонь на лоб. — Пойди, родной, погуляй с нянечкой в садочке. Пойди, мой ангел.

— Никачу!

Что было дальше, Тиса наблюдать не стала. Ей в самом деле не терпелось отдохнуть, но еще больше — попариться в бане, чтобы наконец почувствовать себя человеком, а не замызанной дорожкой кладью с обмятыми боками, которую две недели трясло на ухабах от яма к яму. Поклонившись хозяйке дома, она покинула гостиную и последовала коридорами за худосочными косицами горничной. Фонька оказалась молчаливой лишь до первого вопроса. Потом же с удовольствием рассказала госте, в каком крыле располагаются хозяйские покои, где столовая, банная, уборная. Экономка Рина Степановна, рослая женщина с невероятно прямой спиной и широкими плечами, восприняла приказ хозяйки с невозмутимостью часового на посту. Она не высказала ни слова недовольства, впрочем, как и благожелательности. Откуда бы? Новый рот в доме, нежданые заботы, дополнительные траты.

Комната, в которую экономка определила Тису, располагалась на третьем этаже в самом конце коридора левого крыла. Она была свободнее, чем ее родная в Уwege, но при всей своей вылизанной чистоте и заправленной без единой складочки кровати — безликая, хотя все необходимое — и даже больше, если принять во внимание писчий столик — здесь имелось. Пришел Прошка с ее вещами и сгрузил саквояж и голубиную клетку на домотканый половичок у двери. Тиса дождалась, пока останется одна, и закрыла дверь комнаты. Прислонилась к ней спиной и вздохнула. Она все никак не могла принять, что это происходит с ней наяву. Что теперь она будет жить у незнакомых людей, обретаться в чужих стенах, спать не в собственной кровати. Девушка подавила в себе внутреннее отторжение к окружающей обстановке и подошла к окну. Не все так плохо. Вот, например, вид из окна весьма любопытный — на улицу

с речным каналом. Да и вообще. Когда она еще побывает в таком большом городе? Интересно будет погулять по его улицам.

Внутренние уговоры действовали несколько односторонне. Она вспомнила дом и снова затосковала. Отец, Камилла, Агап, Ганна и все-все. Сейчас она бы обняла даже Цупа как родного. Но, увы, они далеко. Она сама по своей воле покинула их.

— Ничего, — прошептала девушка, — я сделаю то, ради чего сюда приехала, и вернусь домой. Может статься еще, что профессор Мо Ши меня не примет и я вообще здесь не задержусь. Но лучше, если бы принял и за пару недель обучил основным правилам обращения с даром.

В частности, ее очень интересовало, как избавиться от нахальных, самовольно вламывающихся в ее мозг видений одного конкретного человека.

Да. Она уже не желала полного освобождения от дара, как раньше. Почувствовала, что значит всегда иметь возможность «видеть» близких людей, находясь хоть за сотни верст от них. Вот и сейчас, стоило подумать об отце, как туман уже дразнил ее, трепеща белесым лоскутом пред внутренним взором. Прилечь на идеально заправленную кровать Войнова не решилась и прошла к козетке, где и расположилась не сказать, что очень удобно, но вполне сносно. Хоть на минуточку взглянуть.

Туман радостно потянулся к ней бесплотными лапами. Окутал, словно шелковый кокон куколку шелкопряда, бережно покачал в своих объятиях. И послушно схлынул. Площадь наполнял мерный топот выполняющих пробежку солдат. Подразделения огибали гору обломков у основания обрушенной оружейной стены и леса, приставленные к оной. Трое каменичников трудились над зияющей в кладке дырой.

— ...Спору нет. Но тогда как быть с покупкой лошадей, Лазар?

Отец повернул голову, и Тиса увидела Кубача. Шевельнулись губы, и родной голос ответил:

— Купим, когда «убыточные» деньги придут.

— Как пить дать не дождемся, — фыркнул в длинные усы Кубач. — Будто ты их не знаешь?

— Главзэй Демьян Невзоров заверил, что возмещение будет.

— Да-а? — удивился Кубач. — Он так и сказал? А когда, не уточнил? Ну коли так, то авось и пошевелиятся. Хотя даже с пинком, помани мое слово, хорошо, если к весне очухаются да пришлют кого к нам.

Разговор продолжился, и Тиса какое-то время еще слушала родной голос, затем вынырнула из видения.

Слава Единому, отец в порядке, в отличие от нее. Произнесенное им имя вэйна вновь заставило вспомнить того, кого она пыталась забыть. Настроение тут же сползло к ножке козетки,

а из горла вырвался вздох. И все же усилия последних недель не прошли даром — она уже не чувствовала себя абсолютно несчастной, как раньше, и даже в какой-то мере с благодарностью и смирением начала воспринимать прочно залегшую на дно сердца боль. Тиса поднялась, прошла к саквоюжу и раскрыла его. Разложив в шкафу свои немногочисленные вещи, она аккуратно вынула из сумки тяжелую толстую книгу. Возможно, кто-то удивился бы тому, что молодая женщина вместо дополнительных пар платьев, туфель и чулок потащила в дальний путь пудовый философский трактат об истине. Любая нормальная девушка предпочла бы книге одежду, но она себя к нормальным давно не причисляла.

Тиса обняла трактат и прижалась к ребру обложки подбородком. Так случилось, что за последние недели эта книга стала для нее фундаментом морали, в которой, к ее радости, исключались любые лазейки для помилования лжи. Войнова поглаживала старый переплет, читала постулаты об истине и свидетельства губительности кривды и чувствовала, как выстраиваются в упорядоченную цепь ее смятенные мысли, уходят сомнения в правильности принятого решения, поднимается со дна души задремавшее было праведное негодование. Сейчас даже читать не пришлось, все нужные строки всплыли в памяти.

Девушка, не выпуская из рук трактат, уверенно легла на кровать. Давешняя боязнь смять покрывало бесследно исчезла.

Рич, Агап. На этот раз она пожелала увидеть их.

Нос защекотал запах дезинфицирующего раствора, которым Глафира мыла половицы в лечебном корпусе военной части. В старческих руках зеленела закупоренная пробкой бутылка с настойкой. Заскорузлые пальцы приклеили к стеклу бумажку с надписью «Настой каштановый от кровесгушения».

Лекарь оторвал взгляд от бутылки, и Тиса увидела Рича. Сумрак приемной не сумел скрыть блеск черных глаз юного оборотня.

— Я хочу найти наш табор, дед Агап, — заявил мальчишка. — Раз они не возвращаются, я сам их найду! Я теперь здоровый, я уже не маленький.

— Но и не взрослый, чтобы одному шастать по империи, — проворчал старик.

— Я ведь через лес, никто и не заметит. Вы же отпускали меня с Тисой Лазаровой?

— Так то ж с Тисой, — не сдавался Агап. — Одного не пуцу, и даже не думай сбежать, уши откручу, не посмотрю, что оборотень!

Мальчишка повесил нос. И Тиса почувствовала, как лекарь беззвучно вздохнул.

— Ладно, будет тебе кручиниться. Придумаем что-нибудь, поедем вместе, коли придется, но одного не пуцу, — уже мягче